

Генетическая концепция планового управления Н.Д. Кондратьева

© 2016 Нинциева Галина Васильевна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей
экономической теории и истории экономической мысли
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 21
E-mail: nincieva@yandex.ru

Рассматривается генетическая концепция планового управления Н.Д. Кондратьева, его трактовка концепции планового ведения хозяйства, роли планового начала в условиях капиталистического и социалистического государств. Кондратьевское понимание плана комплексно, оно включает в себя телеологические и генетические начала.

Ключевые слова: генетическая концепция, планирование, государственное управление, телеологическая концепция.

Генетическое направление отечественной экономической мысли рассматривало развитие народного хозяйства как эволюционный, естественно-исторический процесс, которому имманентны устойчивые закономерности и тенденции, в первую очередь закономерности, связанные с развитием конкурентного рынка и его регуляторов, стихийно поддерживающих состояние подвижного хозяйственного равновесия. Отсюда важнейшей задачей научных исследований экономической жизни генетики считали перманентное наблюдение за “поведением” рынка, выявление каузальных, повторяющихся явлений (“правильностей”), изучение конъюнктурных колебаний, движения курсов валют, процентных ставок, индексов цен. Такие исследования, по их мнению, должны лежать в основе государственного сознательного вмешательства в экономику с целью корректировки нежелательных процессов и стимулирования позитивных.

Движущим стимулом экономического развития генетики считали материальные интересы всех участников производства и обмена, осознание которых во многом определяет цели, стремления, мотивы их деятельности. И лишь с учетом всего многообразия таких интересов должна строиться взвешенная экономическая политика, не только не ущемляющая, а тем более разрушающая эти интересы, но и предоставляющая дополнительные, наряду с регулирующей и стимулирующей работой рыночного механизма, возможности для их успешной реализации, что позволит преодолеть многие противоречия, внутренне присущие процессам стихийного развития экономики.

Все без исключения представители русской генетической школы хозяйствования, отстаивая

в многочисленных дискуссиях с телеологами значимость рыночного инструментария, вместе с тем твердо стояли на позициях целесообразности и даже необходимости регулирующих государственных воздействий на ход экономического развития, которые могут проявляться в различных формах. Наиболее эффективной формой государственного вмешательства они считали планирование.

Но представления генетиков о плане существенно отличались от истолкований телеологов. Разумеется, они не отвергали целеполагания в планировании, прекрасно понимая, что план без цели - это нонсенс и что любой план являет собой не что иное, как определенную программу достижения той или иной цели. Цепочка их рассуждений по данному вопросу была иной. Разработка плана невозможна без полного, всестороннего знания объективной действительности, но именно такое знание получить чрезвычайно трудно. Ведь люди не обладают исчерпывающей информацией о сложнейших экономических процессах даже в настоящем времени, но многократно хуже обстоит дело в этом отношении с предвосхищением будущего состояния народного хозяйства, ибо здесь приходится сталкиваться с неразрешимыми уравнениями со многими неизвестными.

Из вышеприведенных достаточно резонных сомнений генетики делали вывод, согласно которому планирование экономики необходимо, но оно должно иметь прочную научную основу и выступать в форме прогноза будущего состояния, выводимого из изученных, установленных закономерностей и тенденций предыдущих этапов экономического развития. Поэтому, в отличие от телеологического направления, генетичес-

кая школа отдавала предпочтение не плану-директиве, а плану-прогнозу, не целевым установкам (командным, волевым предубаждениям), а предсказаниям, или точнее, предвидениям будущих экономических параметров. Цель в таких индикативных планах-прогнозах, разумеется, также должна формулироваться, но она сама вытекает из тенденций объективного развития и строго обуславливается реальными возможностями экономики. Отсюда планирование представлялось генетикам не только и даже не столько искусством (разумеется, значимость фактора профессионализма ими не отрицалась), сколько сложнейшей отраслью научного экономического знания.

Такова в самом общем виде суть генетической трактовки народнохозяйственного регулирования и роли в нем планирования. Одним из наиболее ярких ее представителей был выдающийся русский экономист Николай Дмитриевич Кондратьев (1892 - 1939).

Сегодня о взглядах Кондратьева написано немало книг и статей, его идейному наследию посвящены диссертации и монографические исследования, большинство его трудов сегодня переиздано. Но это приятное обстоятельство не освобождает нас от необходимости изложить здесь представления ученого по обсуждавшимся в госплановских дискуссиях вопросам.

Кондратьев - профессор Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, где он работал на кафедре, возглавляемой А.В. Чаяновым. Но кроме того, он был директором Конъюнктурного института при Наркомфине. Его перу принадлежит огромное количество книг и статей, тематика которых охватывает самые разнообразные грани экономической теории и хозяйственной практики. Энциклопедические знания Кондратьева позволяли ему быть и политэкономом, и статистиком, и специалистом в таких областях, как организация сельского хозяйства, планирование, финансы. И всюду он был высокопрофессиональным новатором, творцом. Перечислим некоторые его работы. Это прежде всего монографии: "Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны" (1922); "Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции" (1922); "Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта" (1923); "М.И. Туган-Барановский" (1924); "Перспективы развития сельского хозяйства СССР" (1924). Свои взгляды на проблемы планирования Кондратьев изложил в таких статьях, как "План и предвидение" и "Критические заметки о плане развития народного хозяйства", опубликованных в 1927 г. в журналах "Пути сельского хозяйства" и "Плановое хозяй-

ство". Мировую славу принесла ученому его работа "Большие циклы экономической конъюнктуры". Труды Кондратьева издавались в США, Англии, Германии, Франции и были предметом широкого обсуждения. Ученый стал членом Американской академии социальных наук, многих американских и английских экономических ассоциаций и обществ.

Завоевав мировую известность, в своей собственной стране Кондратьев в значительной мере был не понят и не принят. В этом - глубокий драматизм его творческой судьбы. Вполне естественно, что многие его работы, отличавшиеся самобытностью взглядов, оригинальностью суждений, с самого начала привлекли к себе внимание крупнейших партийных и государственных деятелей, руководителей страны. Однако труды ученого чаще всего вызывали решительный протест со стороны власть предержащих.

Весьма показательно, например, отношение к кондратьевской теории больших циклов Л. Троцкого. Еще в 1923 г., исследуя проблему цикличности капиталистического развития, Троцкий в высшей степени скептически оценил и идеи Кондратьева, попытавшегося наряду с "малым циклом", охватывающим десятилетний период, установить понятие "большого цикла", охватывающего примерно пятьдесят лет. "По этой, - писал Троцкий, - симметрически стилизованной конструкции большой экономической цикл состоит примерно из пяти малых циклов, причем половина их имеет в сумме своей резко выраженный подъемный, а другая половина - кризисный характер, со всеми необходимыми переходными ступенями. Цифровое определение больших циклов, данное Кондратьевым, подлежит внимательной и не очень доверчивой проверке, применительно как к отдельным странам, так и к мировому рынку в целом"¹.

Проверять, конечно, нужно, без этого немыслим никакой действительно научный, критический анализ. Однако последующими строками Л. Троцкий без всякой аргументации объявлял концепцию Кондратьева несостоятельной. "Уже заранее можно отвергнуть попытку профессора Кондратьева придать эпохам, которые он называет большими циклами, ту же "строго закономерную ритмичность", какая наблюдается у малых циклов, как явно ошибочное обобщение по формальной аналогии". Не будем сейчас вдаваться в детали концепции больших циклов Н.Д. Кондратьева. Важно лишь констатировать, что Л. Троцкий не увидел всей глубины теоретических обобщений ученого, ничтоже сумняшеся назвав их "явно ошибочными"². Да, не суждено было Кондратьеву превратиться в favori-

та принятого политического курса. Что там скептицизм Троцкого! Он выглядит просто образцом корректной критики в сравнении с тем шквальным огнем открытой враждебности, который был обрушен на ученого, например, Г. Зиновьевым в статье “Манифест кулацкой партии”³, ставшей прологом к плохо закамуфлированной под “научную дискуссию” травле русского экономиста. Правда, самому Зиновьеву это мало помогло, но идеологическая кампания, направленная против Кондратьева, приобрела исключительные масштабы.

С. Струмилин, Р. Вайсберг, И. Верменичев, Е. Ярославский, В. Милютин... Сколько их, известных и безызвестных экономистов, политиков, историков, торопливо вносили “свой вклад”, “свою лепту” в “беспощадную борьбу с контрреволюционной кондратьевщиной”, стремившейся “подменить вскрытые Марксом действительные законы движения капиталистического общества “теорией” конъюнктуры и больших циклов”, выдвинувшей лозунг “необходимости расширения рыночных отношений”, “отрицавшей”, “призывавшей”, “проповедовавшей”...

Среди бесчисленного множества “смертных грехов” Кондратьева и его единомышленников значился и такой, как “отрицание социалистического планирования”, его подмена “прогнозированием в чисто буржуазной трактовке”.

Каковы же истинные, а не мнимые представления Кондратьева о плане? Прежде всего необходимо решительно отвести, как надуманные, утверждения, в соответствии с которыми Кондратьев был якобы противником планирования. Его методологические установки отличались исключительной глубиной и последовательностью и в своей совокупности составляли целостную, достаточно обоснованную концепцию планового ведения народного хозяйства. Для ученого необходимость планового начала совершенно очевидна, планомерное развитие экономики он противопоставлял “стихийному, лишенному целевого руководства развитию”. Однако, по его мнению, стихийного развития в чистом виде, освобожденного от каких-либо регулирующих воздействий государства (“органов экономической политики”) на хозяйственную жизнь общества, в истории не существует. Было бы весьма поверхностно, писал автор, представлять себе товарно-капиталистическое хозяйство как сугубо стихийное, ибо и там государство преследует те или иные экономические цели.

Но роль планового начала в условиях капиталистического и социалистического типов экономического базиса различна, причем не только количественно, но и качественно. Наиболее глу-

боко, на наш взгляд, это показано в работе Кондратьева “План и предвидение”⁴. В самом деле, воздействие государства на частнокапиталистическую экономику носит преимущественно косвенный, опосредованный характер. Системой разнообразных мероприятий (таможенная и тарифная политика, законодательство о союзах предпринимателей и т. п.) государство стимулирует приоритетное развитие одних отраслей хозяйства, одних форм его организации и, наоборот, ограничивает, сдерживает развитие других. Но при этом, как правило, такие мероприятия не являются административно-командными, ибо государство не выступает в роли непосредственного субъекта народного хозяйства.

Иначе в условиях социализма. Здесь в руках государства сосредоточены все командные высоты (почти вся промышленность и транспорт, кредитная система и т. д.), и методы косвенного, опосредованного воздействия уступают место методам непосредственного руководства народным хозяйством. И даже несмотря на НЭП и перевод государственных предприятий на хозяйственный расчет, оживляющих рыночные отношения, основные нити руководства работой государственных предприятий объединены в руках центральных органов экономической политики. В большей мере это относится к государственному сектору общественного хозяйства, но и кооперативный, и даже частный секторы испытывают на себе сильное воздействие со стороны центра, гораздо более сильное, чем в капиталистических странах. Поэтому вполне естественно, что частнокапиталистическая экономика, построенная на принципе конкуренции, развивается прежде всего по стихийным законам рынка, играющего роль ее основного регулятора, в сочетании с системой косвенного государственного регулирования.

Сложнее, считал Кондратьев, обстоит дело с экономикой нашей страны. С одной стороны, принцип конкуренции сохранился (особенно в сельском хозяйстве и торговле), а с другой - на авансцену выдвинулась система централизованного государственного руководства народным хозяйством. Следовательно, налицо переплетение и сложнейшее взаимовлияние двух разнородных начал - стихийного, произрастающего из сферы конкурентно-рыночных отношений, и планового, базирующегося на государственной форме собственности на решающие средства производства.

Таким образом, плановое начало, по Кондратьеву, было необходимым условием существования “нашего социально-экономического режима”⁵. Отсюда вытекало исключительно большое

значение планирования экономического развития страны. “Если более или менее крупный частный предприниматель, картель, трест и т. д. всегда имеет известный план ведения своего предприятия, если известный план воздействия на хозяйство имеет капиталистическое государство, то в наших условиях, как ясно из предыдущего, построение плана является одной из важнейших предпосылок управления хозяйством”⁶. Приведенные строки, как видим, совершенно не соответствуют приписываемым Кондратьеву положениям, в которых “отрицается” необходимость института планирования. Каким же виделся ученому план?

Естественно, представления Кондратьева о плане существенно отличались от базисных установок телеологической концепции. Если для телеологов, как уже говорилось, план есть система целевых заданий, имеющих чаще всего конкретное цифровое выражение, то для Кондратьева план есть прежде всего “система перспектив, реализация которых имеет в виду органами регулирования хозяйства”⁷. К этой системе исследователь относил такие, например, перспективы, как рост продукции различных отраслей экономики, повышение производительности труда, изменения организационных типов сельского хозяйства, рост его товарности, уровень кооперирования.

Казалось бы, разница в определениях настолько незначительна, что вряд ли она достойна серьезного внимания. Но это лишь на первый взгляд. На самом же деле, перед нами два полярных видения плана. В кондратьевской формулировке исчезли “задания”, являющиеся не чем иным, как конкретными адресными “командами”, спускаемыми сверху в различные звенья и на различные уровни народного хозяйства. Вместо них появились “перспективы”, выдвигаемые на основе познания общих тенденций хозяйственного развития.

Кондратьеву был чужд возводимый Струмилиным и К⁸ в абсолют телеологический метод построения хозяйственных перспектив, ставящий последние в исключительную зависимость “от наших более или менее отдаленных социально-экономических целей”. Этот волюнтаристский метод делал плановые перспективы чаще всего нереальными. План же должен быть прежде всего осуществимым. Однако неприемлемым был для Кондратьева и чисто генетический метод, делавший крен в противоположную сторону, вообще абстрагировавшийся от целей движения, полностью уходивший в анализ возможностей стихийного развития хозяйства и экстраполировавший выявленные тенденции настоящего на будущее.

Неприемлемым потому, что перспективы в принципе не могут являться простым выражением “стихийно-необходимого” хода событий.

Таким образом, подход Кондратьева к проблеме планирования весьма отличался от распространенных толкований, которым свойственна жесткая альтернативность по типу “или-или” (или телеология – или генетика). Конечно, пояснял ученый, желательные, целевые элементы в рамках возможного должны найти полное выражение. Но все же “только в рамках возможного, и не больше, ибо все, что оказалось бы сверх этой границы, оказалось бы в конце концов и нереальным и ненужным, вредным для практики планирования”⁸.

Весь опыт советских пятилеток подтвердил справедливость суждений Кондратьева. Всякий раз, когда при разработке планов игнорировалось это положение и верх брала чрезмерная телеологическая увлеченность, проектируемые перспективы никак не согласовывались с реально достижимыми результатами. Но действительность, в полном согласии с предупреждениями ученого, заставляла ценой тяжелой расплаты за ошибки сводить перспективы к реально достижимым целям.

В самом деле, как часто апостолы плановой экономики оказывались пустыми прожектерами. Они выстраивали стройные ряды установок, в соответствии с которыми мы уже в 1930-е гг. должны были “догнать и перегнать”. Они же в начале 1960-х гг. рисовали пасторальные картины “светлого будущего”, которого мы достигнем уже через двадцать лет. Не с планами боролся Кондратьев, как это представляли его оппоненты. Он выступал против нереальных, телеологически сконструированных планов. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись, например, со статьей Кондратьева, в которой дается глубокий критический анализ проекта первого пятилетнего плана⁹.

Кондратьевское понимание плана комплексно, оно включает в себя телеологическое и генетическое начала, органично согласуется с его представлениями об экономике, сочетающей в диалектически противоречивом единстве план и рынок, субъективные, сознательные устремления людей и объективные факторы развития. По Кондратьеву, логическая структура процесса разработки плана, определения хозяйственных перспектив включает в себя анализ объективной действительности и тенденций ее развития, а также построение системы мероприятий и средств воздействия государства на ход этого объективного развития в целях направления его по “максимально желательному руслу”.

Итак, два начала - телеологическое и генетическое. Каково же относительное значение каждого из них? Какое из них должно превалировать? Если Струмилин, как было показано, на этот вопрос отвечает однозначно - телеологическое, то Кондратьев, ратуя за синтетический подход, всем ходом своих рассуждений "голосовал" за примат генетики, генетического метода построения плана.

В самом деле, всякое телеологическое стремление изменить окружающую действительность неизбежно должно основываться на научном предвидении характера эволюции социально-экономических явлений действительности, вероятного хода их развития, а также того возможного эффекта, который дадут проектируемые регулирующие мероприятия. Поэтому выдвигаемые планом перспективы являются, конечно, директивами, которые мы даем или, точнее, принимаем на себя в организации наших мероприятий и действий. Но вместе с тем они, эти перспективы, "должны быть построены одновременно на основе известного предвидения тенденций стихийного хода событий и на основе предвидения определенного эффекта наших мероприятий, т.е. на основе предвидения того, что эти мероприятия в общем могут быть выполнены, что, будучи выполнены, они дадут намеченный результат и что, следовательно, вложенная в перспективу директива будет осуществлена"¹⁰.

Кондратьев, таким образом, так же как и Струмилин, совершенно недвусмысленно подчеркнул двойственный характер плана. На этом, однако, сходство позиций заканчивается. Если Струмилин, сделав чрезвычайно важный вывод о тесном союзе предсказания и предвидения, очень быстро отступил от него в сторону идеи верховенства волевого, директивного момента, в сторону плана-задания, зависящего прежде всего не от научного сознания, а от искусства "планировщиков", то Н. Кондратьев, наоборот, уверенно перенес акценты на план-предвидение, план-прогноз, извлекаемый научным сознанием из анализа объективного хода вещей.

Надо ли говорить, что кондратьевская позиция, в которой ударения расставлены в соответствии с "генетической грамматикой" и в которой признается огромная роль науки в процессе определения хозяйственных перспектив, обладает куда большей притягательной силой. План без предвидения, по мнению Кондратьева, ничто. А предвидение - это прежде всего научное знание. Здесь ученый полностью разделяет знаменитую формулу французского философа Огюста Канта: знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять. Она превосходно отражает мысль

Кондратьева: планировать, как и в целом управлять, нельзя без предвидения, но последнее возможно только на прочном фундаменте знания. В противном случае неизбежно вырождение предвидения в простое и необоснованное пророчество.

Отталкиваясь от данной исключительно важной методологической посылки, Кондратьев призывал к изучению связей и закономерностей реальной действительности - чем большее количество связей и закономерностей будет научно установлено, тем большие возможности открываются для предвидения. Рассуждения ученого о необходимости и способах постановки планирования на научные рельсы, о его опоре на экономическую теорию красноречиво свидетельствуют о дальновидности автора. В этих рассуждениях - прямые указания на наличие объективных законов, действующих в экономике.

Восстановим ситуацию, сложившуюся в тот период в политической экономии. Подавляющее большинство экономистов отрицало саму возможность действия объективных законов в условиях социализма, когда производственные отношения становятся "чистыми" и "прозрачными". Кондратьев же не только признавал наличие объективных закономерностей, но и сделал интересную попытку их классификации как статистических, динамических (наблюдающихся в "ходе событий во времени"), каузальных, или причинно-следственных, обязательных всегда при наличии соответствующих условий, а также эмпирических, допускающих различные отклонения и исключения, закономерностей. "Мы обладаем, - писал он, - наибольшими возможностями предвидения именно в тех областях, где наука располагает достаточным количеством установленных точных и научно истолкованных связей и закономерностей. Такова область точного естествознания, как физика, химия, астрономия и т.п."¹¹. Конечно, продолжал ученый, гораздо сложнее обстоит дело в области общественно-экономической жизни, где значительно меньше установленных связей и закономерностей и они не всегда поддаются точному количественному выражению. Следовательно, здесь возможности предвидения заключены в довольно узкие пределы. Однако с развитием научного знания об объективных социально-экономических процессах, они, несомненно, будут расширяться. При этом важно, чтобы они не отрывались от объективной почвы и носили сугубо научный характер. Пока же, с сожалением отмечал Кондратьев, в плановой работе наблюдается необычайная смелость.

Что имел в виду ученый? Прежде всего, постановку в планах таких сложных задач, разре-

шение которых при данном уровне знаний невозможно. Расчет велся порой на такие отдаленные сроки, сквозь которые не в состоянии пробиться научный анализ. Но, несмотря на это обстоятельство, хозяйственные перспективы все же, как правило, выражают в однозначных количественно-конкретных формах. Даже те явления, которые по существу своему нерегулируемы, в высокой степени изменчивы (например, конкретные размеры урожая на определенную дату или конкретные размеры экспорта на определенный момент времени, приток вкладов), также облекаются в жесткую цифровую оболочку, причем в чрезвычайно детальной форме. Кроме того, на длительный срок проектируется и система необходимых мероприятий. “При этом, - подчеркивал Кондратьев, - достаточного анализа, что эту систему мероприятий можно осуществить, что, будучи осуществлена, эта система даст именно ожидаемый результат, - в большинстве случаев нет”¹². В итоге хозяйственные органы захлестывает своего рода “стихия плановой работы”.

Например, напечатанный перспективный план развития сельского хозяйства Сибирского края содержал 732 страницы, Томской губернии - 718, а Северного Кавказа - 1877. И все это с головоломными исчислениями! Однако жизнь постоянно и неумолимо опровергала значительную часть цифровых “карточных домиков”. Но уроки впрок не шли. Все неудачи, как правило, объяснялись не тем, “что мы находимся под гипнозом цифр и арифметики, а тем, что мы еще недостаточно полно охватываем в количественных выражениях все элементы народного хозяйства, недостаточно увязываем все их между собой”¹³.

Для характеристики взглядов Кондратьева особый интерес представляют сделанные им в статье “План и предвидение” выводы, содержащие в себе квинтэссенцию теоретических взглядов ученого. Вот они:

1. Научно обоснованные планы предполагают решительный отказ от введения в них произвольных параметров. Пусть они станут “беднее и скромнее”, но зато реальнее.

2. Необходимо незамедлительно и категорически отказаться от фетишизации цифр. Речь идет не о неприменимости количественных плановых оценок вообще. Они должны иметь место, но в том объеме, и в той форме, на которые в каждом данном случае имеются достаточно серьезные научные основания. Значительная же часть количественных расчетов должна быть исключена из перспективных планов, оставаясь только в оперативных планах. “Нуждается ли практика планирования действительно в том,

чтобы в перспективных планах было подсчитано, какие будут цены на отдельные культуры через 5-10 лет, какова будет тогда урожайность культур с десятины, каков будет тогда же приток вкладов в банки и т.д. и т.д.? Конечно, было бы лучше знать все эти явления в их будущем количественном выражении. И конечно, если бы мы могли научно обоснованно сказать об этом, мы бы должны были это сделать. Но если мы сделать этого не можем, если мы можем лишь подменить такой научно обоснованный прогноз субъективными, идущими часто от темперамента предположениями, то какое значение они могут иметь для практики? При этих условиях... практика прежде и больше всего нуждается... в том, чтобы иметь серьезную и действительно обоснованную экономическую ориентацию в общих и основных линиях развития народного хозяйства”¹⁴. Столь обширной цитатой мы хотим как можно более точно передать дух и букву кондратьевского понимания плана.

К сожалению, очень часто планы являют собой произвольные комбинации, бессодержательный набор мертвых статистических таблиц с “краткими пояснениями” к ним. Не этим ли объясняется, что их начинают пересматривать раньше, чем успели завершить их построение?

Поскольку доступное количественное предвидение будущего всегда приблизительно, во избежание ошибок на практике следует давать цифровое выражение предположений не однозначно точным, а всегда с указанием приблизительно вероятности ошибки.

Составляемые планы не должны быть строгой “казенной” директивой. “Они должны пониматься как основная указующая директива, требующая от практики максимальной творческой гибкости в смысле учета конкретных условий работы и получения наибольших результатов”¹⁵.

Оперативные, среднесрочные и долгосрочные планы обязательно должны отличаться друг от друга не только по своему горизонту, но и по степени детализации и конкретизации цифровых расчетов.

При построении перспективных планов преимущественное внимание должно быть обращено на углубление экономического изучения действительности, позволяющее выяснять закономерные тенденции развития всего нашего хозяйства, а также его различных отраслей и регионов.

Составление перспективных планов должно быть делом лиц высокой квалификации, со специальной научно-практической подготовкой. Нецелесообразно заставлять “местных агрономов,

местных инженеров и других работников всех губерний и областей писать трактаты о влиянии мирового и национального рынков и т. д. на развитие их края”¹⁶. Вместе с тем опыт местных работников должен быть широко использован путем совместного решения с ними местных проблем. На основе широкого использования этого опыта составление перспективных планов должно быть сосредоточено в центре. Что же касается оперативных планов, призванных конкретизировать перспективы и систему мероприятий применительно к условиям данного года, данного района или данной отрасли, то работа над ними требует участия непосредственных работников на местах.

Такой, по мнению Кондратьева, должна быть система и процедура планирования. Изложенное выше убедительно, как мы считаем, свидетельствует об абсолютной беспочвенности многочисленных обвинений в адрес ученого. Н.Д. Кондратьев сформулировал чрезвычайно плодотворную концепцию планирования, отличную от представлений сторонников телеологического подхода. Об этом же свидетельствует и его критический анализ госплановского проекта первого пятилетнего плана, осуществленный в полном согласии с приведенной концепцией¹⁷.

В своем анализе Кондратьев шаг за шагом выявлял внутреннюю противоречивость и необоснованность проекта, произвольность и нереалистичность многих его показателей, которые, тем не менее, должны были стать директивными заданиями. Но этот внимательный, скрупулезный анализ не был встречен должным пониманием. Наоборот, разгневанные составители пятилетнего плана предали Кондратьева анафеме.

Возможно, и даже очевидно, что кондратьевская трактовка не была свободна от слабостей. Нельзя не обнаружить, например, в его концепции элементы своеобразного фатализма, крайности, противоположной по своему характеру телеологическому волюнтаризму и субъективизму. В кондратьевском видении просвечивается некая экономическая обреченность, суть которой заключается в том, что будущее всегда обусловлено генетическим кодом прошлого и, следовательно, самое важное сводится к расшифровке этого кода.

Главная ошибка здесь, как уже отмечалось, состоит в том, что из таких представлений неизбежно вытекает вывод о безальтернативности общественно-экономического развития, невозможности серьезно повлиять на него. Эта посылка недостаточно учитывает активную преобразующую роль в развитии объективных процессов, которую играет субъективный фактор.

Разумеется, нельзя преувеличивать значимость последнего, но и игнорирование его столь же опасное заблуждение. Общественно-хозяйственная жизнь сложна, а сочетание объективных закономерностей и субъективного фактора в ней всегда обеспечивает определенную “развилку” путей развития.

Но в целом систему планирования в кондратьевской концепции следует признать гораздо более обоснованной в научном отношении и, конечно, неизмеримо более мобильной и гибкой, чем в струмилинской. Такая система позволяет органично учитывать конъюнктуру, цены, хозрасчет, не деформируя административными приказами рынок, не сжимая в железных объятиях директив творческую самостоятельность и инициативу хозяйственных звеньев.

Кондратьев, как отмечалось, в отличие от представителей телеологического направления, с одобрением встретил новую экономическую политику. Стремительный взлет народного хозяйства он связывал прежде всего с решительным введением в практику хозяйствования экономических методов управления, хозяйственного расчета.

Под руководством Кондратьева коллектив Конъюнктурного института энергично приступил к решению многообразных задач, выдвинутых новой экономической политикой. В связи с проведением денежной реформы и выпуском в обращение червонцев в конце 1922 г. институт взял на себя функцию перманентного слежения за устойчивостью новой валюты, для чего потребовалась постановка квалифицированных наблюдений за конъюнктурой. Кондратьев и его коллега по институту П. Ковальская начали вычислять первый в истории страны индекс розничных цен¹⁸. С весны 1922 г. началась регулярная публикация индексов в “Экономическом бюллетене Конъюнктурного института”. В нем сообщались Московский индекс оптовых цен, Московский большой (по 98 товарам) и Московский малый (по 33 товарам) индексы розничных цен частной торговли.

С сентября 1921-го по июнь 1924 г. в Конъюнктурном институте исчислялся Всероссийский, а затем и Всесоюзный индекс “валютных” розничных цен по 15 товарам, который вошел в систему трех основных индексов цен народного хозяйства страны (наряду с оптовым индексом Госплана и бюджетным индексом цен Бюро института труда).

По мнению А.В. Чайнова, кондратьевский институт уже в середине 1920-х гг. “работал вровень” с американскими, а по признанию директора Берлинского конъюнктурного института

Э. Вагемана, институт Н. Кондратьева “по тонкости своих методов и высоким научным достоинствам работ” представлял лучшее в Европе учреждение этого типа и не уступал исследовательским организациям США¹⁹.

Внеэкономические рычаги, директивное планирование, административное установление цен, по мнению Кондратьева, искажали тонкий рыночный механизм регулирования, вступали в резкое противоречие с объективными законами товарно-денежных отношений, провоцировали возникновение диспропорций в развитии отдельных отраслей и затрудняли их выявление, ослабляя возможность установления правильного соотношения между товарной и денежной массами.

С активизацией рыночных отношений связывал Кондратьев и развитие сельскохозяйственного производства, прогрессивное усиление товарности крестьянского хозяйства, укрепление экспортных возможностей страны и на этой основе осуществление главной стратегической задачи - индустриализации народного хозяйства.

Что же вывело Струмилина из равновесия, вызвало у него взрыв негодования? Прежде всего то, что Кондратьев усомнился в реальности запроецированных темпов развертывания промышленности, которые, как он “подозревал”, могут быть поддержаны лишь за счет сугубого истощения жизненных соков деревни. Тревога Кондратьева за судьбы крестьянства родила его, по мнению Струмилина, с идеологами народничества. “И в интересах очищения общественной атмосферы от всяких демагогических миазмов

мы должны серьезно посчитаться с этой компанией”²⁰. Слов на ветер кремлевский академик не бросал и действительно свел счеты с “непрощеными радетелями деревни”.

Но победа административной системы, победа Струмилина и его соратников-телеологов оказалась пирровой...

¹ Троцкий Л.Д. О кривой капиталистического развития // Вестн. Коммунистической академии. 1923. □ 4. С. 8-9.

² Там же. С. 9.

³ Большевик. 1927. □ 13.

⁴ Пути развития сельского хозяйства. 1927. □ 2.

⁵ Там же. С. 6.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1927. □ 4.

¹⁰ Пути развития сельского хозяйства. С. 11.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Там же. С. 22.

¹⁴ Там же. С. 32-33.

¹⁵ Там же. С. 34.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кондратьев Н.Д. Указ. соч.

¹⁸ Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. Москва, 1985. С. 346.

¹⁹ Там же. С. 347-348.

²⁰ Струмилин С.Г. Индустриализация СССР и эпигоны народничества // Плановое хозяйство. 1927. □ 7. С. 9.

Поступила в редакцию 05.03.2016 г.